Слуги уже приготовили горячую воду для омовения; тетушка Жу и кормилица, заботившиеся о нём с детства, тоже были рядом. Но среди всех этих людей не было ни одного преданного ему. По обычаю, принц не покидал дворца и не обзаводился собственным домом, пока не женится или не получит удел. Однако, оставаясь во дворце, он не мог обрести ни единого человека, которому бы доверял. Даже если бы такой появился, госпожа Чжоу, как и в прошлой жизни, нашла бы способ от него избавиться.

Перед сном Цэнь Цзибай снова вспомнил слова Линь Сюня, и, ворочаясь с боку на бок, вновь не смог сомкнуть глаз.

Линь Сюнь спрашивал, почему он не навещает Линь Цзиня. В прошлой жизни он и вправду несколько раз наведывался в резиденцию семьи Линь в это время. Госпожа Чжоу была недовольна, но Цэнь Цзибай, наперекор ей, всё равно туда ходил.

Как бы Цэнь Цзибай ни мечтал в детстве о любви госпожи Чжоу и как бы та ни пыталась его обмануть, детская чуткость подсказывала ему: она его не любит.

Дворец был для него клеткой. Правитель Ся им пренебрегал, мать его не жаловала, а два старших брата то и дело отпускали колкости.

Когда Линь Шу с лёгкостью разбил Южную армию, Цэнь Цзибай понял: сила семьи Линь огромна, перед ней трепетал даже отец-государь.

Тогда Цэнь Цзибай больше не желал быть марионеткой в руках госпожи Чжоу и не хотел проигрывать Цэнь Цюхэ, но найти того, кто мог бы помочь, кроме Линь Сюня, товарища детских лет, и семьи Линь за его спиной, он не мог.

После осенней охоты Линь Сюнь и Линь Цзинь уже прошли с ним огонь и воду, а Линь Цзинь и вовсе получил тяжёлые раны, обезобразившие его лицо, когда отвлекал убийц. У Цэнь Цзибая появилось ещё больше причин и поводов сблизиться с семьёй Линь. Возродившись в новой жизни и желая добиться своего, он вновь нуждался в их поддержке.

Но Цэнь Цзибай не мог встретиться с Линь Цзинем. Дело было не в нежелании, а в том, что он не знал, что сказать при встрече.

Даже одно лишь имя «Линь Цзинь» вызывало у него тяжесть в груди.

Линь Цзинь уже не был прежним, но Цэнь Цзибай оставался всё тем же Цэнь Цзибаем. Он не мог смотреть на этого нового, незнакомого Линь Цзиня, не мог заставить себя надеть привычную маску в его присутствии.

У Линь Цзиня были причины недолюбливать его с детства: и проделка Цэнь Цюхэ, когда тому было три года, и назначение Линь Цзиня его товарищем по учёбе, и ранения, полученные во время осенней охоты при защите Цэнь Цзибая… Оснований для неприязни было более чем достаточно. Цэнь Цзибай размышлял: раз так, ему стоит реже появляться перед Линь Цзинем. Он мог использовать кого угодно, только не Линь Цзиня. Он мог предать кого угодно, только не Линь Цзиня.

В прошлой жизни всё во дворце контролировала госпожа Чжоу, а командующий императорской гвардией, отвечавшей за охрану, был её младшим братом Чжоу Фаном. Номинально Цэнь Цзибай был государем, но реальной власти не имел и ничего не мог поделать. Единственное, что ему удавалось, — не дать госпоже Чжоу родить собственного ребёнка, для чего он никогда не приближался к наложницам.

Поэтому, почувствовав в покоях той женщины, что его опоили снадобьем, он мог лишь поскорее уйти и вернуться в свои покои.

В тот момент Линь Цзинь разбирал его доклады. Когда Цэнь Цзибай обнял его, рассудок уже мутился. В голове крутилась одна мысль: если уж суждено иметь ребёнка, то только от Линь Цзиня. Он хотел, чтобы у них с Линь Цзинем был ребёнок, они должны были его иметь…

Тогда Линь Цзинь сильно пострадал от его действий и долго не вставал с постели. Цэнь Цзибай чувствовал вину и какое-то время избегал Линь Цзиня.

Оглядываясь назад, он спрашивал себя: зачем он избегал Линь Цзиня? Следовало остаться рядом и ухаживать за ним. Но он боялся, что Линь Цзинь не простит, боялся встретить его непримиримый взгляд…

О ребёнке он узнал лишь три месяца спустя. Цэнь Цзибай был счастлив: у них с Линь Цзинем действительно будет дитя. Возможно, это означало, что даже после свержения семьи Чжоу Линь Цзинь останется с ним.

С тех пор он стал относиться к Линь Цзиню как к настоящей супруге, как к любимому человеку. Линь Цзинь тоже полюбил ребёнка, Цэнь Цзибай видел, как тот трепетно заботился о маленькой жизни. Они даже стали по-настоящему близки, словно превратились в настоящую семью.

Но это счастье длилось всего два-три месяца.

Линь Цзинь часто жаловался на боли в животе. Цэнь Цзибай знал, на что способна госпожа Чжоу, и никогда не давал Линь Цзиню дворцовых лекарств, приглашая врачей со стороны и каждый раз разных. Однако мужчин, принимавших такие снадобья, было мало, и поначалу врачи ничего не замечали, утверждая, что всё в порядке, и выписывая успокоительные. Линь Цзинь порой терял сознание от внезапной боли, Цэнь Цзибай в панике звал лекарей, но те лишь твердили, что всё хорошо. Всё хорошо, всё хорошо… Такой диагноз ставили все приглашённые врачи, пока в конце концов…

Линь Цзинь очень любил этого ребёнка. Потеряв его, он сидел в своих покоях, словно окаменев, не ел, не пил, не реагировал ни на что. Когда же наконец пришёл в себя, то принялся допытываться: почему, почему дворцовые лекарства оказались отравленными?

Во время утреннего приёма слуга Линь Цзиня, Сяо Дао, ворвался в зал и сообщил, что Линь Цзинь с мечом направился в покои госпожи Чжоу. Когда Цэнь Цзибай примчался туда, всё уже было кончено.

Теперь, оглядываясь назад, Цэнь Цзибай понимал: даже если Линь Цзинь и не ненавидел его, то наверняка презирал за беспомощность. В этой жизни, вернувшись в день осенней охоты, он вновь ничего не мог поделать.

Цэнь Цзибай размышлял, как ему следует себя вести. Он не заслуживал права появляться перед Линь Цзинем, но лелеял надежду — как до свадьбы в прошлой жизни — стать с ним друзьями, готовыми отдать друг за друга жизнь, хотел поговорить с ним, увидеть его. Кроме того, он желал спасти семью Линь, защитить Линь Цзиня, а для этого ему предстояло отправиться в Северную армию и вновь встретиться с ним.

Но сейчас Цэнь Цзибай не мог избавиться от груза прошлого. В таком состоянии любая встреча с Линь Цзинем выдала бы его неестественность…

Он старался утопить мысли в ворохе дел, притворяясь наивным десятилетним ребёнком.

К счастью, занятий ему хватало.

Писать почерком десятилетнего ребёнка у него не получалось. Ссылаться на пережитое и стал более зрелым — звучало неправдоподобно, перемены были слишком резкими. Поэтому он достал свои старые записи и принялся их медленно копировать.

После того как Южную армию передали Сун Чжэну, отношение госпожи Чжоу к нему стало ещё более странным. Он не мог и не хотел целыми днями пропадать в Чертоге Вэйлань, зато Сун Сяоси зачастил к нему в гости, отчего лицо госпожи Чжоу становилось всё мрачнее. Хотя Цэнь Цзибай и радовался, видя её недовольство, он не желал, чтобы она срывала зло на Сун Сяоси.

Цэнь Цзибай был также занят общением с правителем Ся. Видимо, отец нашёл его забавным и с удовольствием таскал с собой на пиры и увеселения в своих покоях, стремясь воспитать такого же беспечного принца. Цэнь Цзибай не хотел портить репутацию и сердить правителя Ся, но эти затеи стали для него невыносимы. В конце концов он заявил отцу, что все эти интересные штуки он почерпнул из книг, и, чтобы найти больше забавного, ему нужно читать ещё. Правитель Ся согласился с этим и отпустил его обратно в Великую академию.

В музыке, шахматах, каллиграфии, живописи, верховой езде и военной стратегии Цэнь Цзибай намного превосходил Сун Сяоси. Хотя он и хотел ему поддаться, никогда прежде этого не делал, поэтому поначалу это выходило неестественно и слишком уж нарочито.

Сун Сяоси, раззадоренный его поведением, стал учиться усерднее прежнего. Они часто играли вместе в Чертоге Вэйлань, а Сун Чжияо наблюдал за ними. Правитель Ся, видя, как тот радуется, велел Сун Сяоси чаще приходить во дворец, а Цэнь Цзибаю — после занятий заглядывать в Чертог Вэйлань.

В тот вечер, когда Цэнь Цзибай и Сун Сяоси удалились, правитель Ся, заметив, что Сун Чжияо в хорошем настроении, придвинулся к нему поближе.

Сун Чжияо встал, налил правителю вина и спросил:

— Ваше Величество, вы любите детей?

Правитель Ся не мог сказать, любил он детей или нет. Потомства у него было мало — три сына и две дочери, что для царской семьи считалось скромным. Но зачем нужно столько детей, если они не приносят радости, как, например, Цэнь Мутун, от которого лучше бы и вовсе отказаться.

Сун Чжияо налил ему ещё одну чашу.

— Таких детей, как Цзибай и Сяоси, я тоже люблю, но, к сожалению…

Правитель Ся осушил чашу, взял руку Сун Чжияо, белую, как нефрит, и принялся поглаживать её своей жирной лапой. Сун Чжияо отдернул руку и поклонился.

— Ваше Величество, я тоже хочу ребёнка.

Правитель Ся уже изрядно захмелел и промямлил:

— Значит, если какая наложница родит, ты возьмёшь его на воспитание?

http://bllate.org/book/15933/1423853